

Эта ночь ничем не отличалась от тысяч предыдущих. Все они, слившись воедино, казались Викентьеву одним невыносимо долго затянувшимся кошмаром.

Чернильная темнота, просачиваясь сквозь оконные стёкла, вливалась в комнату и наполняла всё вокруг почти неуловимым, но назойливым шорохом. Казалось, огромный невидимый кот бродит вдоль стен, задевая пушистым хвостом стулья, спинку кровати, ночную лампу на столике... А может, это просто кровь стучала у Викентьева в висках? Он повернулся на другой бок и натянул одеяло на голову. Не помогло — шорох продолжался.

Бессонница мучила его уже несколько лет. Викентьев обращался к докторам, обошёл всех местных народных целителей, перепробовал чёртову уйму когда-то кому-то помогших средств. Бесполезно!

У него была одна странность. Что-нибудь, увиденное в течение дня, глубоко

Утрата

Владимир МАРЫШЕВ

врезалось в память. А когда наступала ночь, яркий красочный образ вставал перед глазами, заставляя думать только о нём и начисто лишая сна. Это могла

быть повстречавшаяся на улице колоритная личность, броский рекламный щит с цепляющим слоганом, захватывающий эпизод из фильма... Никогда не угадаешь, какая картинка или сценка в очередной раз застрянет в мозгу! Сегодня Викентьеву не давал спать коварный пришелец Лет Гвифф из только что вышедших на экраны «Людей в чёрном-4». Он явился откуда-то из системы Альдебарана и, как положено всем голливудским злодеям, не был писанным красавцем. Огромная малиновая жаба с противной слизистой кожей, зелёными глазами на стебельках и широкой мокрогубой пастью... Бр-р!

Как правило, Гвифф обходился без оружия. Да и зачем оно существо, которое умеет гипнотизировать взглядом, источает из бородавок яд, запросто ходит по потолку, а врагов поражает, выбрасывая пятиметровый язык с жалом на конце? На Землю альдебаранец прилетел, чтобы выкопать

драгоценный клад — его полмиллиона лет назад припрятала у нас какая-то древняя цивилизация. И выкопал бы, но по следам космического авантюриста ринулись brave молодцы в чёрном. Нечего разевать свой слюнявый рот на наше достояние!

И вот это-то страшилище, стоило Викентьеву закрыть глаза, выскакивало откуда-то, словно чёртик из табакерки. Фильм, казалось, продолжался. Несмотря на приметную наружность, Гвиффа никак не могли поймать. Он мастерски удирал от погони, пользуясь путаницей ночных улочек, карабкался по стенам домов, прятался в канализационных люках. Порой инопланетянин оказывался настолько близко, что Викентьев мог пересчитать бугорки на его коже. Весь этот вздор длился уже больше двух часов.

Викентьев стиснул подушку. Боже, за что ему такое наказание? Поворочавшись ещё какое-то время, он встал и пошёл к окну.

На ясном, словно вымытом, небе холодно мерцали звёзды. Викентьев открыл форточку и несколько раз глубоко вдохнул прохладный ночной воздух. «Надо успокоиться. Нервы совсем ни к чёрту», — подумал он и вдруг почувствовал, что сзади на него кто-то смотрит.

Это было невероятно, но Викентьев научился доверять своим ощущениям, чрезвычайно обострившимся за время бессонницы. Он резко обернулся.

Прямо перед ним на полу как ни в чём не бывало сидел... Лет Гвифф. Но не тот, киношный, созданный с помощью компьютерных супер-пупер-технологий, а самый настоящий, живой! Малиновые бока раздувались, а изумрудные глаза, покачиваясь на длинных стебельках, смотрели изучающе.

Викентьев отшатнулся назад, больно стукнулся головой об открытую форточку и чертыхнулся. После такого удара любая галлюцинация должна была мгновенно развеяться. Но пришелец не исчез.

— Не бойтесь меня, — произнёс он квакающим голосом — точь-в-точь таким же, как у Гвиффа из кино.

Викентьев не сразу обрёл дар речи.

— Вы... кто? — выдавил он наконец. — Откуда?..

— Из иного мира. — Отвечая, гость сильно растягивал слова. — В одной системе координат — практически совпадающе-

го с вашим, в другой — бесконечно далёкого.

— Параллельного, что ли?

— Это очень сложно объяснить, у вас нет таких терминов.

— А как же... — Викентьев хотел спросить, почему гость как две капли воды похож на пупырчатого земноводного главгада, но никак не мог сформулировать вопрос. В голове всё смешалось. Подумалось даже, что каким-то чудом он всё же заснул — внезапно, прямо в кинозале. Надо лишь сделать над собой усилие, вернуться в явь — и жаба-переросток упрыгает обратно на экран.

Но у пришельца была другая трактовка событий.

— Вас удивляет мой вид? — Он поднял перепончатую лапу и принялся с явным отвращением её разглядывать. — Меня тоже. На самом деле мы, омгры, из-за особенностей энергетической структуры для вас совершенно невидимы.

— Невидимы... — машинально повторил Викентьев, опускаясь на стул. — Не понимаю.

— Сейчас поймёте, — вновь заквакал пришелец. — Наша экспедиция подошла к концу, а длилась она около десяти ваших дней. Сначала был послан аппарат, создавший канал между двумя мирами. По этому каналу отправились мы — исследователи. Каждый нашёл себе для изучения какой-то любопытный объект. Я выбрал вас.

— Меня?! — от удивления Викентьев привстал со стула.

— Да, и вот по какой причине. У вас есть странная особенность. Во время бессонницы ваш мозг начинает рождать необыкновенно яркие и отчётливые образы. Меня это явление чрезвычайно заинтересовало. Невидимый, я все десять дней был рядом и с помощью тонких методов исследовал ваше сознание. Всё шло хорошо — до одного момента. Последний образ, завладевший вашим сознанием, вызвал настолько сильное психополе, что оно полностью перестроило мою энергетическую структуру. И вот результат... — Зелёные глаза чудовища слегка поблёкли, а малиновая кожа покрылась фиолетовыми пятнами. Похоже, омгру было стыдно за то, что он не сохранил свою благородную сущность и угодил в столь уродливую оболочку.

Викентьеву тоже стало неловко.

— И что же теперь? — растерянно спросил он. — Надеюсь, это не навсегда?

— Нет. — Викентьеву показалось, что в глазах пришельца вспыхнули озорные искорки. — Как я уже говорил, моя миссия подходит к концу. Через семь-восемь минут наш аппарат пошлёт импульс, возвращающий мне нормальную структуру. Затем он вновь откроет канал между мирами, чтобы все омгры смогли вернуться домой. А вы... После того как я уйду, наша встреча исчезнет из вашей памяти.

— К-как? — Викентьев вскочил. Голос его дрожал от обиды. — Резать мою память? Да кто вам дал право?.. И зачем тогда наш разговор? К чему он, если я вот-вот всё забуду?

— Пожалуйста, успокойтесь. Понимаю ваши чувства, но время контактов ещё не пришло. Разные уровни цивилизаций... И всё же вы зря считаете наш разговор ненужным. Возможно, он полностью перевернёт вашу жизнь. Хочу открыть одну тайну. Вы невероятно талантливы. Нет, не то слово — гениальны!

— Что? — не понял Викентьев. — Издаетесь?!

— Гениальны, — не обращая внимания на его тон, повторил пришелец. — Вы можете стать великим писателем. Я наблюдал за вами сутками, и сомнений не осталось. Вы цепко схватываете образы и события. Ваша бессонница — это следствие того, что неведомые силы — созидательные, творческие — рвутся наружу из тайников сознания. И я могу в этом помочь. Нужен всего лишь небольшой толчок, чтобы ваш литературный дар проявился. У меня есть две возможности. Я могу дать вашему мозгу этот дополнительный импульс, разрушить преграду, и вы сможете творить. Однако при этом, увы, бессонница сохранится. И другой путь. Мне ничего не стоит победить бессонницу, но тогда ваш уникальный дар будет погребён навеки. Выбирайте. Что вам дороже?

Викентьев слушал, затаив дыхание. Он — писатель! Не один из той безликой массы, что штампует боевики, клонирует звёздные оперы, выдаёт на-гора бесконечную и однообразную детективную жвачку, а подлинный творец. Обладатель божественного дара, любимец муз, инженер человеческих душ... Тот, чьё призвание — глаголом жечь сердца людей!

У него кружилась голова. Всемирное признание, баснословные тиражи, масса восторженных поклонников, престижнейшие премии, вплоть до Нобелев-

кой... Вот это жизнь! Яркая, фееричная, как и подобает светилу такой величины! Викентьев уже представил себя в ослепительных лучах славы, и тут его обдала холодом поганая мыслишка. Чему обрадовался, новоиспечённый гений? Думаешь, бессмертные строки польются сами собой, словно вода из душа? Как бы не так! Каждую фразу, чтобы довести до совершенства, добиться образности и глубины, предстоит рождать в муках, изводя себя, превращаясь в тень. А потом ты будешь сатанеть, наблюдая, как народ, словно горячие пирожки, расхватывает ..дцатый роман из бесконечной эпопеи очередного Василия Пупкина. В то время как твой шедевр пылится на полках, так и не понятый «тупой бессмысленной толпой»... Слава, признание... На вручении премии несколько литературоведов-старичков сдержанно похлопают, остальные участники церемонии будут стоять с постными лицами, ожидая начала фуршета!

И вот ради этих терзаний, ради вдребезги разбитых надежд после чудовищного, рабского труда остаться наедине с бессонницей, грызущей тебя, как маленький, но ненасытный зверь? До конца дней лишиться сна — блаженства, которое начинаешь ценить, лишь потеряв?

Пришелец терпеливо ждал. Викентьев физически ощущал, как истекают отпущенные ему минуты. Больше медлить было нельзя.

— Мне хотелось бы... — начал он и умолк. Какие подобрать слова, чтобы гость понял и не осудил?

Но пришелец выручил его.

— Я понял, — сказал он. — Ваше желание будет исполнено. А теперь прощайте.

Воздух заколебался, и малиновая жаба, искажаясь, как в кривом зеркале, стала растворяться в темноте. Как только она исчезла, Викентьев ощутил слабое дуновение невесть откуда взявшегося ве-

терка. А затем, добравшись до кровати, провалился в сон.

Как немного нужно человеку, чтобы сделать утро волшебным! Всего лишь впервые за несколько мучительных лет выспаться всласть... Проснувшись, Викентьев испытал ни с чем не сравнимое чувство полноты бытия. Отдохнувшее тело было пружинистым и гибким.

Викентьев приподнялся в постели, и тут же в мозгу лёгкой тенью мелькнуло беспокорство. Ни с того ни с сего подумалось, что вчера он лишился очень важной вещи. Такой, без которой жизнь будет напоминать радуго, обедневшую на одну из самых ярких красок. Ощущение утраты всё нарастало, и в какой-то момент у Викентьева защемило сердце. Что за чёрт, ведь он вчера определённо ничего не терял! Откуда же это чувство, неожиданно всколыхнувшее душу, назойливое, неотвязчивое, как уколы совести?

Ответа не было. **тм**